одурачить мужа — особенно если это «старый муж». Так в русскую литературу входит популярная тема западноевропейских средневековых фабльо и городских новелл раннего Возрождения.

Была сделана попытка связать этот раздел жарт с древнерусскими религиозно-дидактическими «сказаниями о злых женах».[2] Однако отношение авторов к женским «уверткам» не дает никаких оснований вести мораль жарт о женском «непостоянстве» от традиции учительной литературы.

Весь раздел, повествующий об этих «увертках» и вообще о теме любви, разбивается на две группы жарт. В меньшей речь идет о женских неудачных хитростях, которые раскрываются, вызывая насмешку, а изредка и осуждение. В большинстве жарт с явным сочувствием рассказывается о том, как женщины, вопреки всякой очевидности, отводят от себя подозрения в измене, а иной раз еще и сами предъявляют мужьям очень ловко подтасованный встречный иск.

Во всех жартах обеих групп женщина изображается жадно ищущей чувственной любви. Изредка автор высмеивает женщин, если они, в поисках такой любви, ведут себя глупо (девица поверила *шуточному совету выбрать милого «с большим носом»* для большей «утехи» — и разочарована; другую уверили, будто девушке с большим ртом обещано три мужа, и она растягивает рот, и т. д.). И все же даже за неудавшуюся измену автор советует наказывать «не побоями», а «фигурою», т. е. хитростью: «Побоями не отлучишь, а фигурою разлучишь» — такова морализирующая «притча», которой заканчивается рассказ о шуте, оттолкнувшем жену от любовника именно хитростью, а не «плетью». Очевидно, вера в спасительную силу «плети» (домостроевского «жезла») была уже поколеблена в какой-то части тех слоев общества, откуда вышли и создатели, и потребители литературы типа жарт.

Страстью к чувственным удовольствиям жарты наделяют женщин и девушек всех социальных слоев. В их изображении одинаково мечтают о том, чтобы иметь нескольких мужей или любовников сенаторские жены, трактирщица, крестьянка. И чем больше ловкости, изворотливости и смелости обнаруживает женщина в своих любовных проделках, тем с большим интересом и несомненным сочувствием описывают их жарты, где и девушки так же смело, как замужние женщины, нарушают все семейные запреты, ограничивающие их право на свободный выбор любимого. В отличие от своих прозаических оригиналов, жарты часто подчеркивают, что не строгость, не запреты, не страх наказания, а одна любовь может удержать женщину от измены.

Такая мораль не имеет ничего общего с суровыми назиданиями и обличениями «злых жен» в учительной древнерусской

[2] А. В. Кокорев. Русские стихотворные фацеции XVIII в. — В кн.: Старинная русская повесть. Статьи и исследования. М.—Л., 1941, стр. 224.